

Т.В. Шмелева
ЗАДАЧНИК КОРПУСА

Опубликовано в: Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Под редакцией Н.Р. Добрушиной. Москва 2007. С. 25-34.

То, что Национальный корпус русского языка (далее – Корпус) существенно изменил исследовательскую и преподавательскую практику русистов, – факт, получивший широкое признание. Понятно и то, что с помощью Корпуса уже решаются многочисленные исследовательские и дидактические задачи. Прошедшая в апреле 2007 года конференция «Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования» стала своеобразным «парадом задач», с которыми участники конференции знакомили друг друга. Естественно, что часто речь шла о сходных задачах, решаемых на разном материале и с разными целями. В связи с этим и возникает мысль проанализировать обсуждаемые задачи, попытавшись составить своеобразный ЗАДАЧНИК КОРПУСА, как это обозначено в названии статьи. При этом стоит опираться не только на материал, представленный на конференции [Шмелева, 2007а], но и на другие работы, а также на сообщения участников конференции, опубликованные в тезисах [Национальный, 2007].

Лексикографические задачи следует назвать в первую очередь, ведь Корпус по существу выступает как электронная картотека – Интернет-аналог классических картотек, из которых выросли словари.

На это обстоятельство обращали внимание участники конференции, подчеркивая, что Корпус не только упрощает поиск иллюстративного материала, но и дает возможность обнаруживать и фиксировать «малейшие семантические сдвиги, произошедшие в слове» [Кольцова, Грачева, 2007, с.37].

Отметим специально, что первая из задач – получение дополнительного иллюстративного материала – особенно актуальна для слов, относимых к редким, устаревшим, выходящим из употребления. Примером может послужить задачка со словом *мурава*.

На выставке изразцов в надписях к экспонатам встретилось слово *муравлений*. Отсутствующий в современных словарях глагол *муравить* удалось найти в СУ, там же выяснилось, что он – производный от существительного *мурава* – «блестящий слой, которым покрывают посуду, изразцы», а причастие от него *мурАвленный*. Однако никаких иллюстраций в словаре не содержится, и представить реальное функционирование слова трудно.

Именно здесь и приходит на помощь Корпус, предлагая такие, например, контексты: *Мальчик, взятый по контракту на семь лет, был обязан делать печные изразцы, расписывать их, муравить и выжигать, за что его родителям ежегодно выплачивалось хозяином по 1 рублю 43 копейки ассигнациями* [В.И. Немирович-Данченко. Святые горы (1880)]. Заинтересовавшее нас причастие используется, как выяснилось, и в современных текстах: *Затем старинный рецепт рекомендует переложить все в глиняный «муравленный» (т.е. глазированный) горшок, добавить рубленый чеснок, заклеить горшок лепешкой из слоеного или пресного теста, смазать ее яйцом и запекать в русской печи в течение 15-20 минут* [Вкусный. Что у нас на обед (2000)]. Отметим при этом, что, во-первых, речь идет о старинном рецепте, а во-вторых, автор не рассчитывает на то, что слово знакомо читателю, и вводит для разъяснения современный синоним *глазированный*. В «Лекциях по русскому искусству» С.А. Еремеевой, изданных в тот же год, слово дается без пояснений, поскольку автор рассчитывает на подготовленность читателя: *Муравленные изразцы с теми же сюжетами («ехал поляк») гораздо эффектнее выглядели на зданиях и гораздо эффективнее были на облицовке печей*. Таким образом, данные Корпуса позволили решить эту «задачку с двумя неизвестными», выяснив из найденных контекстов, что слово, общеизвестное в XIX веке, сегодня следует квалифицировать как специальное, имея в виду историю русского искусства, строительные материалы, кулинарию. Назовем такие задачи – **компенсаторными**: они призваны компенсировать дефицит данных в словарях, позволяя составить более полное представление о слове.

Другой тип лексикографических задач можно назвать **верификационными**: они предполагают верификацию данных словарей и справочников. Примером может послужить верификация толкования слова *виновник*, необходимость в которой возникла в процессе лингвистической экспертизы судебного иска к телекомпании. Один из поводов для обращения в суд привязывался к использованию выражения «виновник случившегося», в котором истец видел обвинение его в случившемся. Поскольку речь шла о покушении на истца, то из выражения «виновник случившегося» он выстраивал ряд предположений: если я виновник, значит, утверждается, что я сам организовал покушение на себя. В этой части своих притязаний истец апеллировал к СО, где слово толкуется: «Тот, кто виновен в чем-н., кто является причиной, источником чего-н.».

Требовалось доказать, что в слове *виновник*, вопреки его очевидной связи со словом *вина*, в современном русском языке оценочное значение (положительное или отрицательное) складывается в определенных условиях, в зависимости от оценочности существительного в родительном падеже: *виновник бедствия* > отрицательное; *виновник торжества* > положительное. Само же слово *виновник* в значении «тот, кто вызвал

событие, стал его причиной» нейтрально в оценочном плане. И именно нейтральность проявляется в выражении *виновник случившегося*.

В решении этой задачи помогает уже более солидный словарь: в МАСе у слова *виновник* выделяются два значения: «1. Тот, кто виновен в чем-л.; 2. Тот, кто является причиной чего-л.». Для иллюстрации первого приводится речение *виновник преступления*; второго – *виновник торжества, виновник победы*.

Корпус только для формы именительного падежа единственного числа этого слова дает около 300 контекстов. При этом позитивное использование слова фиксируется в текстах с начала XVIII века: ***Виновник бесчисленных благополучий наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу, или паче, рождший и воспитавший прямой сый отечества своего отец, которому по его достоинству добрии россиястии сынове бессмертну быть желали, по летам же и состава крепости многодетно еще жить имущего вси надеялися, — противно и желанию и чаянию скончал жизнь и — о лютой нам язвы*** [Феофан Прокопович. Слово на погребение Петра Великого (1725)]. Весьма распространено оно и в современных текстах: *Дрогнул, но устоял и сам виновник шумового эффекта*. [Алексей Демин. Народ судит строго. Андрей Разин предстал перед магнитогорской публикой // "Известия", 2001.11.26]; *Сам же виновник информационного бума затерялся где-то на просторах земного шара, по одной версии, он уже летит из Нью-Йорка в Москву, по другой — наоборот, только что вернулся в США из России* [Алексей Демин. Фетисов может стать министром // "Известия", 2002.04.12]; *Так и жили мы каждый в своем мире, пока лет десять назад виновник этой полузабытой истории не напомнил о себе* [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]; — *Сограждане! — трясась от предстоящего издыхания, сказал виновник прихода в эту комнату большого количества людей. — Я любил вас, будьте готовы отдать свое время помыслам и делам!* [Егор Радов. Змеесос (2003)].

Нейтральность семантики слова *виновник* подтверждается и употреблением его по отношению к не лицам, а к тому, на что не может быть возложена какая бы то ни была ответственность, а значит, и вина, но что может стать причиной каких-то событий, — предметы, настроения, понятия, тексты: *Спокойствие сохраняет только главный виновник шумных диспутов — "Железный Феликс"*. [Наталья Гранина. Бесценный экспонат. Дзержинского не продадут ни за какие деньги // "Известия", 2002.09.17]; ***Виновник этого — недавнее разъяснение Президиума*** [Способов много. Но верный один // "Учет, налоги, право", 2004.08.03]; *Единственный луч света падал на постамент, где стоял окутанный покрывалом главный виновник торжества*. [Дмитрий Ситник, Михаил Козлов. Холодный блеск // "Формула", 2002]; *Западоцентризм, в рамках которого Запад*

выступает как всего живитель и **виновник**, а равно и единственная движущая сила и точка отсчета международной политики, еще отчасти извинителен для либералов — вера у них такая. [Максим Соколов. Точка отсчета // "Известия", 2001.10.10]. Кстати, можно заметить, что такая возможность в словарях не отмечается.

Таким образом, задача дифференциации значений слова *виновник* и тем самым верификации данных словаря может считаться решенной. Кстати, можно еще, опираясь на данные Корпуса, высказать сомнения в целесообразности пометы «шутл.» при выражении *виновник торжества* в СО: тексты Корпуса, включающие его, никак не могут быть отнесены к шутливым; выражение можно считать стандартной формулой для наименования юбиляра или героя чествований по иным поводам. Конечно, не исключено шутливое использование этого выражения, но вряд ли стоит считать это его языковой характеристикой. Впрочем, в СОШ этой пометы уже нет.

К лексикографическим задачам относится и создание с опорой на Корпус новых словарей, как это предполагают коллеги из Казани [Невзорова, Зинькина 2007].

Вариантные задачи, как кажется, — самый многочисленный тип. Опыт показывает, что Корпус для изучения **грамматической** вариантности предоставляет исключительные возможности, которые не могут сравниться ни с одним из имеющихся источников — ни со словарями, ни с грамматиками. В целом эти задачи можно охарактеризовать как выяснение соотношения вариантов, для чего необходимо большое количество хорошо паспортизированных контекстов. Можно перечислить грамматические варианты, к выявлению соотношения которых уже привлечён Корпус.

Колебания в роде имен существительных на согласную. По данным ГП, этот вид вариантности охватывает около сотни имен [ГП С.86], список которых представлен на С. 90-92. Однако, работая со словом *штиблеты* [Шмелева 2007б], я обнаружила, что и этому слову присуща такая вариантность. Материалы корпуса показывают, почему эта вариантность возникает и сохраняется. Большинство форм, в которых это слово зафиксировано в Корпусе, омонимичны для существительных мужского и женского рода: *штиблеты, штиблет, в штиблете, в штиблетах, штиблетами*. Только 8 из 205 форм дают возможность определить род: — *Ваи ме! — застонал дом, и напряглась лоза, удерживая дом от распада, когда штиблета Григола Иваныча шатнула первую ступень дворовой лестницы* [Теймураз Мамаладзе. "Здравствуй, осел!" // "Дружба народов" №7, 1999]; *Когда Моськин сидит в машине, по мне не ползает скользкое беспокойство и я не ерзаю на кожаных желтых подушках от страха, что меня принимают за шнурок от его штиблеты или за обкусок его судьбы.* [Анатолий Мариенгоф. Бритый человек (1929)]; *Потом, бросив ее на пол, задавил штиблетой, закурил другую; Азеф выбросил*

дымящийся окурочек из мундштука и опять задавил его **штиблетой**. [Роман Гуль. Азеф (1958)]; "Дедов" начищенный **штиблет** был как раз против его лица [Георгий Владимов. Три минуты молчания (1969)]; Ванванч решил было рассказать ему об Афоньке, но очередной вальяжный клиент по-хозяйски подсунул свой **штиблет**, и щетки заработали, а Ванванч отправился вдоль по Паскевича. [Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989–1993)]; венские демисезоны с отвороченными над суконным **штиблетом** заграничными брюками [Мариэтта Шагинян. Перемена (1923)]; И топал начищенным **штиблетом** так, что низко опущенный живот мастера Брюкнера подпрыгивал. [Александр Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)]. Конечно, перевес в одну форму еще не дает основания говорить о предпочтительности мужского рода, но к этому склоняют и примеры из современных авторов, например, из прозы И.Бродского: *Как везде на Востоке, здесь масса чистильщиков обуви. <...> Избыточность этой профессии объясняется именно грязью, пылью, после пяти минут ходьбы покрывающей ваши только что отражавший весь мир **штиблет** серой непроницаемой пудрой* (Путешествие в Стамбул), и общая закономерность, в силу которой при варьировании рода в XIX веке победителями выходили формы мужского рода, как в паре *фильм/фильма* (ГП, С.86)

Можно отметить, что из сотни представленных в ГП существительных, для которых характерна вариантность рода, более десятка представляют собой наименования обуви: *ботинок/ботинка, ботфорт/ботфорта, бутс/бутса, валенок/валенка, кед/кеда, сандалета/сандалет, сандалия/сандалий, тапка/тапок, тапочка/тапочек, туфля/туфель, унт/унта* (С.90-92). К этому списку добавляются *штиблеты*, а также не включенные в список, но обсуждаемые в ГП *боты* (С.87) и *кроссовки*, о расположенности которых к варьированию говорит один, но весьма выразительный пример из Корпуса: *И вы поднимаетесь и лезете в джинсы, пугаясь в штанинах, с трудом разлепляя глаза и не попадая ногой в кроссовки, тем более что один кроссовок (одну кроссовку?) этот негодяй куда-то уволок и яростно треплет, рыча и скалясь в экстазе* [Дина Рубина. Я и ты под персиковыми облаками (2001)].

Интересно было бы с помощью Корпуса исследовать вариантность всей этой группы существительных, пытаясь выявить закономерности в распределении по роду в зависимости от использования в разговорной речи или просторечии, на что часто указывается в ГП.

Вариантность падежных флексий представляет не меньший интерес и может быть представлена как самостоятельная задача. На упомянутой конференции были доложены результаты корпусного исследования флексий родительного падежа типа *народа/народу*,

чая/чаю [Мустайоки 2007]. Корпус показывает, что родительный на –у в ряде контекстов не только конкурирует с формой на –а, но и оказывается предпочтительным.

При рассмотрении вариантов *дочерями/дочерьми* с помощью Корпуса удалось установить, что явно преобладает последний вариант (400 контекстов), и его нельзя признать разговорным по характеру этих контекстов, а первый (встретился 24 раза) есть основания считать не книжным, но устаревшим [Добрушина, 2007].

Таким образом, три приведенных случая изучения грамматической вариантности имени с помощью Корпуса показывают, что задачи этого типа многочисленны и обещают интересные данные, корректирующие устоявшиеся представления и рекомендации справочников.

Вариантность морфемной структуры глагола тоже дает материал для многочисленных задач, к решению которых может быть привлечен Корпус.

Примером может послужить задача о предпочтительности суффиксов в глаголах несовершенного вида типа – *осмысливать/осмыслять*.

В толковых словарях (напр., в МАС) обе формы указываются как производные глагола *осмыслить*, а об их различии или предпочтительности одной из них нет никакой информации.

В ГП указывается, что глаголов, для которых характерна такая вариантность, – три десятка (их список на С.422) и что «четких различий между вариантными глагольными формами с суф. –*ыва-* (–*ива-*) и –*а-* (–*я-*) в современном русском языке нет» (С. 420). Интересно, что в XIX веке глаголы с суффиксом –*ыва-* воспринимались как просторечные или сниженные, в результате чего они оказались вытесненными за рамки литературного языка (*зверивать, влюбливать, выпадывать* и т.д.). Авторы довольно смело говорят о тенденции предпочтения суффикса –*а-* (–*я-*), а по поводу интересующего нас глагола дают достаточно четкую рекомендацию: «По-видимому, несов. вид, соотносительный с сов. видом глагола *осмыслить*, предпочтительнее с суф. –*а-* (–*я-*) (*осмыслять*)» (С.422). Но всё-таки сомнение поддерживается сведениями о том, что «судьба вариантов несомн. вида у разных глаголов была очень индивидуальна» (С.421).

Обращение к материалам Корпуса показывает картину совершенно противоположную: для инфинитива явно преобладает форма *осмысливать* (их 58 на 10 случаев *осмыслять*); непродуктивный, как нас уверяют авторы словаря, вариант преобладает и для формы 3 л. ед. числа. В форме же 1 л. ед.ч. их очень мало и поровну – всего по 2 примера. Несмотря на то, что формы от *осмыслять* в меньшинстве, нельзя не обратить внимание на тот факт, что они встречаются в текстах весьма авторитетных авторов, например: *Именно такую трансформацию в культурном сознании письменной*

эпохи переживает устная речь: ее начинают воспринимать как испорченный вариант письменной и осмыслять сквозь призму этой последней. [Ю. М. Лотман. Устная речь в историко-культурной перспективе (1978)]. Не стоит ли это расценивать как свидетельство в пользу предпочтительности? С другой стороны, в Корпусе есть два примера из текстов М. Мамардашвили: *можем о ней (жизни) рассуждать и ее осмыслять* и *начинаем их осмысливать, взглядываясь...* Не свидетельство ли это их равнозначности?

На конференции были предложены результаты корпусного исследования вариантных форм типа *брызгает/брызжет* [Егорова, 2007] и *обуславливать/обулавливать* [Пустовалова, 2007]. Изучение по данным Корпуса первой пары привело автора к мысли, что варианты начинают различаться по признакам одушевленность/неодушевленность и степень контролируемости, безвариантны новые употребления типа *Меня не колышет*. Во второй паре Корпус выявляет тенденцию укрепления и распространения форм с *-а-* в корне типа *обулавливать* и *уполномачивать*, несмотря на все предостережения специалистов по культуре речи.

Понятно, что грамматическая вариантность глагола не исчерпывается приведенными случаями, а значит, не исчерпываются приведенными и задачи, связанное с этим явлением.

Словообразовательные задачи. С помощью Корпуса разрешаются вопросы о потенциальных и окказиональных словах (ни тех, ни других в Корпусе не должно быть, если только тексты с окказионализмами не включены в него), о продуктивности словообразовательных моделей, о контекстуальных возможностях производных слов. Наконец, аналогично словоизменительной может изучаться вариантность деривационная, или синонимия, существование которой объясняется наличием в русском языке синонимических морфов.

Приведу пример с вариантами адъективных дериватов. В СУ указывается, что от существительного *чиновник* возможны три прилагательных: *чиновничий*, *чиновницкий*, *чиновнический*. МАС приводит два – *чиновнический* и *чиновничий*. Материалы Корпуса показывают, что в современной речевой практике от слова *чиновник*, которое может быть отнесено к «возвращённой лексике» (недаром оно помещено в СИ!), образуется единственное прилагательное *чиновничий*. С ним сложились уже практически устойчивые выражения *чиновничий аппарат* (17 примеров), *чиновничий произвол* (7 примеров). Это как будто противоречит грамматической природе прилагательного, если его притяжательность понимать буквально, но вполне соответствует трактовке таких адъективов как «притяжательно-относительно-качественных» [Виноградов, 1972, С.162].

Синтаксические задачи. Опыт решения синтаксических задач с помощью Корпуса накоплен в Новосибирске, о чем можно судить по авторефератам диссертаций [Болотина, 2006; Кулятина, 2006; Сокорова, 2006]. Технология этих синтаксических исследований такова: сначала определяется круг глаголов (в первом случае – пространственной семантики типа *миновать, обходить*; во втором – непереходных типа *нервничать*, в третьем – с распространителем в форме предложного падежа типа *очутиться в комнате*), а затем в Корпусе черпается материал на каждый из них, тем самым в течение короткого времени формируется презентативная выборка примеров. Такой подход к изучению синтаксических фактов можно было бы назвать **лексикоцентричным**, так как он исходит из возможностей лексемы, будь то предикат, как в рассматриваемых случаях, или разные типы скреп. Новым здесь оказывается достигаемые за счет обращения к Корпусу скорость формирования выборки и разнообразие текстов, чего трудно добиться, разыскивая примеры путем банального чтения. И эти два преимущества, которые дает Корпус, не только ускоряют темпы синтаксических исследований, но и служат дополнительным условием их достоверности.

На конференции говорилось и о возможности изучать с помощью Корпуса собственно конструкции. Обнаруженные 3000 предложений типа *Лодку унесло ветром* позволили пересмотреть представления об этой конструкции [Мустайоки, 2007, С.59]. Такой собственно синтаксический путь кажется перспективным и многообещающим.

Поскольку в синтаксисе представлена вариантность, то и здесь возможны вариантностные задачи, которые обсуждались в связи со словоизменением и словообразованием. Этот тип задач был представлен на конференции в выступлении, посвященном **вариантности управления** одной группы глаголов – горестного чувства. Так, для глагола *тосковать* найден 61 контекст с предлогом *о* и 186 – с предлогом *по*, при этом Корпус дает возможность видеть эти употребления во временной перспективе, что позволяет делать выводы о тенденциях нарастания/убывания вариантности, победе одной из форм или их равновесии [Дубровина 2007].

Завершить перечень задач, в разрешении которых теперь не обходятся без Корпуса, можно **орфографическими** задачами. Хорошо известно, что современная орфографическая практика отличается свободой и разнообразием. Наблюдения над этой свободной практикой дают лингвисту возможность улавливать тенденции, их изменения. На конференции об этом говорилось в связи с обучением русскому языку – на примере лексемы *бренд/брэнд* [Мустайоки, 2007, С.60]. Но и безотносительно к этой цели изучение орфографии по данным Корпуса представляется одной из самых актуальных задач.

Итак, Задачник Корпуса – открытая книга. Предпринятый обзор задач ни в коей мере не претендует на исчерпанность, его можно рассматривать как отклик на прошедшую конференцию, попытку осмыслить свой опыт и то, что там удалось услышать, обсудить. Безусловно, что русистику без Корпуса теперь представить невозможно, а число конкретных задач и результатов их решения будет расти день ото дня.

Сокращения

ГП – Граудина Л.К. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Л.К.Граудина, В.А.Ицкович, Л.П. Катлинская. – 3-е изд., стер. М., 2004.

МАС – Словарь русского языка / В 4-х тт. Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд. – М., 1981—1982.

СИ – Словарь русских историзмов: Учебное пособие / Т.Г. Аркадьева, М.И. Васильева, В.П. Проничев и др. – М., 2005.

СО – Словарь русского языка. 9-е изд. – М., 1972.

СОШ— Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1992.

СУ – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. – М., 1935—1939 .

Литература

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. –М., 1972. – 614 с.

Болотина Ю.Н. Модели русских простых элементарных предложений пространственной семантики с локативным компонентом в форме винительного падежа без предлога: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.

Добрушина Н.Р. Языковая норма как объект преподавания и исследования // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции—М., 2007. – С.25—28.

Дубровина И.В. Проблема употребления предлогов при глаголах «горестного чувства» // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции. — М., 2007. – С.32—34.

Егорова К. Употребление глаголов с двумя вариативными формами// Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции—М., 2007. – С.35—36.

Кольцова Л.М., Грачева Ж.В. Ресурсы национального корпуса русского языка как основа подготовки научных и учебно-методических работ по современному русскому

языку // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции. — М., 2007. — С.37—38.

Кулятина Т.С. Одноактантные модели элементарных простых предложений с непереходными глаголами в современном русском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. — Новосибирск, 2006.

Кыркунова Л.Г., Ширинкина М.А. Использование НКРЯ в преподавании речеведческих дисциплин в вузе (на примере курса «Культура деловой речи») // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции—М., 2007. — С.39—41.

Минеева З.И. Национальный корпус русского языка и актуальные вопросы словообразования // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции.— М., 2007. — С.52—53.

Мустайоки А. Роль корпусов в лингвистических исследованиях и преподавании языков // Национальный корпус русского язык: Материалы международной конференции. — М., 2007. — С.58—60.

Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции. Москва 19-20 апреля 2007 г. — М., 2007. — 80 с.

Невзорова О.А., Зинькина Ю.В. К разработке нового словаря функциональных омонимов на основе Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции—М., 2007. — С.61—63.

Пустовалова Е. Употребление вариантов типа *обусловливать/обуславливать*: анализ вариативности // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции—М., 2007. — С.67.

Соколова О.В. Структура и семантика русских глагольных предложений с обязательной позицией имени в форме предложного падежа: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. — Новосибирск, 2006.

Шмелева Т.В. Лексикография культурной памяти // Живое русское слово: Сборник научных статей в честь юбилея профессора Т.Г. Аркадьевой. — СПб: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2006. — С. 125 –131.

Шмелева Т.В. Грамматическая вариантность в зеркале словарей и Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: Материалы международной конференции.— М., 2007а. — С.74—76.

Шмелева Т.В. «Привет от старых штиблет» // Российский лингвистический ежегодник. 2007б. Вып. 2 (9): — Красноярск, 2007б. — С.33—39.